

SPACE AS ADMINISTRATIVE TERRITORY

Rafael Sibgatovich Khakimov,
the Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences,
entrance 5, Kremlin, Kazan, 420008, Russia,
rafh@mail.ru

The article presents the author's view on space as a time-invariant category in historical context and its multiplicity as an administrative category, which includes ethnic, economic, climatic, and geographic elements. The author also describes the role of Russia's historical space for the modern organization of the federal state.

Key words: space, time, historical categories, Russia.

Space and time are not only mathematically abstract categories, but a social environment as well. In primitive societies it was explicit. Their settlements acquired the shape corresponding the social relations: each clan occupied its own place in the tribe and on its territory. In the Turkic Khaganates there were political categories – both right and left parties. In the mythology, space was divided into four cardinal directions, afterworld, top/bottom, etc.

The influence of space on historical processes was well demonstrated in the works by Fernand Braudel: “A human is a prisoner of his time, climate, flora and fauna, culture, the balance between him and the environment, the creation of which took centuries, the balance, which cannot be upset without a risk of a big loss”, he writes. “Look at the seasonal sheep drives to the mountains typical of mountain dwellers' life, at the invariability of economic activity of coastal areas' residents caused by certain biological features of the coast; look at the stability of cities location, constancy of transport routes and trade, and at the remarkable permanence of the geographical framework of civilization” [1: 119]. The article considers the effect of the abovementioned categories in modern Russia with a special emphasis on its ideological characteristics; historical and anthropological aspects of this issue are not presented.

Huge space dominates Russia and it is its burden. Politicians and publicists like to point out Russia's huge territory in terms of its quantity as if it were a certain advantage. However, excessive space dictates the forms of life and the architecture of governance. Nikolai Berdyaev claimed that “the Russian soul is damaged by the vastness, it sees no boundaries, and this boundlessness does not liberate, but enslaves it ... The Russian man is dominated by the Russian land, and he does not rule it” [2: 325]. Berdyaev's imagery language does not prevent him from being accurate in assessing the impact of space on the ontological characteristics of

the state. If the term *space* comprises both *size* and *landscape*, the meaning of this category will be increased manifold since we will have to deal not only with quantitative, but also with qualitative characteristics of the space, not only with the breadth of territory, but also with the variety of its landscape.

In academic literature the term space is usually understood as a state territory or a geographical location. Politicians often consider the territory as a homogeneous vastness; they see the territory as *'tabula rasa'*, as if separate administrative territories possessed neither their own history nor their own face. Many politicians are genuinely surprised at the idea of dividing the federal subjects into republics and regions, as it is easier to make all people identical and declare them a single nation. They find it hard to understand why people migrate from the Far East or the North to the European part of the country, as they think that Russia is the same everywhere.

Politicians consider statehood to be a field for experiments, rather than a historical entity. They can dwell on the mistakes of the Bolsheviks, who allegedly allowed the ethnic groups to create republics and introduced federalism, while they should have made all the peoples equal in status, language and culture. They employ the example of monarchist Russia with its supposedly unified governorate division, unitary regime, and centralized control. Few people ponder over the real system of administration of the Russian Empire, which was incredibly asymmetric with the elements of monarchical federation. After a visit to Russia, the Frenchman Custine reports about his conversation with the emperor at the ball: “You think that you're among Russians, said the monarch in this conversation, pointing at the others. You are mistaken: here is a German, this is a Pole, this is a Georgian, that is a Finn, and that is a Tatar ... All together they constitute Russia” [3: 34]. Although in Russia there was understanding of ethnic diversity, until

now there has been no adequate governmental system. The monarchs, unlike many of today's politicians, understood the importance of cultural and geographical diversity of the country, but they lacked the political will to accept federalism, which could have saved the country from disintegration. The Bolsheviks had to announce federalism, thereby suspending the disintegration of the country, and then tried to restore and even broaden the former expanse. After the Second World War, during the socialist camp triumph, the Soviet Union sphere of influence was comparable with Genghis Khan empire. But the imperial temptation gradually mastering the messianic consciousness (using the terms of N. Berdyaev [4: 20]) led the country into a historical deadlock. The totalitarian regime collided with the dictatorship of the space, and the nature won. The country collapsed once again. Messianic political power will always be defeated until the system of state is brought into accordance with the geographical and cultural diversity of the country.

Due to the existence of boundaries in a developed society, the concept of space as a territory is considered in terms of a state and its administrative division. As a matter of fact, we should take into account a number of boundaries, which can overlap or mismatch. Administrative boundaries do not coincide with ethnic or religious, economic boundaries as well as cultural ones have their own shapes. Let us consider the administrative territory of Russia not in the political and legal aspects, but as a historical category.

The notion of a boundary points to the distinction between our world and afterworld, the religious world and the secular one, a territory of a community or a state, communes, clans, gangs, etc. We can also mention the boundaries between day and night, between seasons, economic cycles, age-related changes. A boundary can materialize as a state boundary or a climate zone, but it can also exist as a mental boundary. This concept is applicable to a wide class of phenomena. "A boundary distinguishes different things," Bourdieu writes, "and reveals the very difference 'through arbitrary establishment', as Leibniz said, using '*exinstituto*' of scholasticism, which is a purely magical act, involving and producing a collective belief, i.e. concealment of its own arbitrariness. A boundary separates things from each other through absolute distinction which can be overcome only by another act of magic – ritual violation. *Natura non facit saltus*¹: namely the magic of *institution*, establishment, provides the natural continuum with this

network of biological relationship or the natural world, discontinuity, separation, *nomos*, a boundary creating a group and its special customs" [5: 406]. Culture defines the space of its own world, draws the boundary line, the overcoming of which is seen as a transition to another world. The threshold becomes a place of non-existence, where all the things change their signs. All the communities strive for maintaining their boundaries, i.e. their essence, being afraid of 'nothing' which is waiting beyond the threshold. A boundary is a place where there is a struggle, real or symbolic; meanwhile magic, rituals, customs or economic laws, and legal rules are aimed at painlessly overcoming the threshold.

Administrative boundaries do not appear arbitrary, although an element of voluntarism or rationalism, purposeful state-building is always present.

Historically, boundaries could coincide with the landscape and ethnic population distribution, but there could be other reasons for them to emerge. There is a quite stable image of the nomads as a kind of overgrown gangs who did not develop civilized rules. Using this understanding of the nomadic culture as a foundation for academic arguments, it remains unclear how the nomads managed to create the greatest states in size and value in the world history. How could the wild and small in number nomads create such states as the Turkic Khaganate or the Empire of Genghis Khan, which linked the East with the West? How did the hundreds of cities appear, if nomads were destroyers and robbers? Nomadic culture also presupposed developing agriculture and founding cities, which were trade and cultural centres.

Most probably, the Turks combined agriculture with a semi-nomadic way of life when the nation was formed; and only then some of the tribes acquired a purely nomadic life. "Nomadism", Lev Gumilev wrote, "is a worldwide phenomenon that existed for about three millennia. It appeared as a way of human adaptation to the changing natural environment and it is disappearing right before our eyes for the same reasons" [6: 512]. At a certain period of history (or, to be more precise, in the 1st millennium BC), which faced global climate change, some tribes chose a nomadic or semi-nomadic way of life, but their language preserved the memory of the original forms of life. In the Turkic dialects a house always meant permanent habitation (as opposed to a yurt). "A tent is a temporary dwelling which the nomadic Turks constructed in places of their summer migrations. A house is a permanent dwelling of the domiciled Turks. To denote the buildings, located around a

¹ The nature is not aware of discontinuity (Leibniz, Latin).

house, the ancient Turks used to the word ‘bark’, Sadri Maksudi writes [7: 37]. The word *барак* (*‘barrack’*) is still used in the meaning of a house in the Russian language.

Nomadic economy was conditioned by pastures, and the rest of life was adjusted to the presence or absence of food for livestock, horses, oxen. That lack of pasture provoked the Great Migration. A number of familiar concepts developed with the European perspective in view, acquire different meanings in relation to the nomadic culture. Obviously, the nomads had the hierarchical administrative system that relied not only on power, but also on development of a mutual solution. The khan elections can hardly be called democratic, but nevertheless his power depended on the will of the main clans. As representatives of a ‘land’ they proclaimed a khan, restricted his power, and if necessary, could dethrone him, saying that Khan fell ill and died. It is common knowledge the existence of the state depends on levying taxes. All the people had a stake in maintaining an army to protect the borders of pastures from attacks and encroachment both within the state and from other countries. Thus, the hierarchical structure is a primary need caused by the necessity to maintain economy.

The concept of tax in a nomadic state was also peculiar: constant (or seasonal) movements made it difficult to collect taxes from people rather than count them all, therefore it was easier to claim a non-recurrent *‘dan’* (tribute) from a chief of a tribe or a clan leader, and, hence, not a territory as a place of residence, but “a land” as a camping-ground of a nomadic tribe or a union of tribes became considered as an administrative structure. This concept is related to the issue of the national army recruitment: it is manned of individual clan groups. When Kurultai – the big counsel – announced some military campaign, every clan leader (bey) would run his own army, which became an integral part of the national army. Nomads did not have a regular or mercenary army in the European sense of this word. All the people comprised the army. Each clan was responsible for equipping and training their own soldiers. Their lifestyle was a permanent preparation for a war. This principle, in its rudimentary form, was also practiced by the Cossacks in Tsarist Russia.

Nomadic empire in its developed form is made of a number of cities and domiciled population, primarily farmers. Neither agriculture nor urban life was arbitrary or supplementary to the main type of economy: the Golden Horde's main export was wheat, and trade was the major factor for economic and state prosperity. The origin and causes

of nomadic component of the empire were different: armies of the Huns, the Turks, the Tatar-Mongol consisted of cavalry, therefore they were formed in the steppe, and the clan leaders also being military commanders determined the country strategy, its security and, ultimately, the nature of governance. In the Golden Horde, *an ulus* (a nomad camp) as an administrative unit corresponded to a military *tumen* (a corps of 10 thousand), so *an ulus* governor had a rank of *temnik* (a general leading an army of 10 thousand warriors).

The administrative structure identity of the Golden Horde was the combination of nomadic and domiciled cultures. Vadim Trepavlov notes that “we can assume that military affairs and the *ulus* apannage system related to them were under the jurisdiction of a *beglerbeg* (the highest rank in the hierarchy of provincial administrators) and three *karachibeks* hierarchically subordinate to him; non-military affairs (primarily, financial) were in charge of the *vizier* and subordinate to him secretariat – *divan*. In other words, the nomadic people of the Golden Horde were mainly supervised by a *beglerbeg* and the domiciled people were under the jurisdiction of a *vizier*” [8: 183]. In accordance with this division, *beys* as clan leaders spent most of the time in migrations and the bureaucracy was located in the cities, where they recorded fees and expenses. Domiciled population, both urban and rural, were ruled by a sub-governor *darughachi*.

Each *ulus* had “two forms of existence: territory and people. The space of migration was referred to as *nutag* (Mongolian) or *yurt* (Turkic), the population – *irgen* (Mongolian) or *el, il* (Turkic). *Nutag/yurt* and *irgen/el* formed an *ulus*” [8: 185]. The state was divided into four provinces governed by *ulusbeks*.

Obviously, on such huge territories as the Turk Khaganate, the empire of Genghis Khan, the Golden Horde there could be no law supervision system, or any system monitoring implementation of khan’s orders or decisions of the *kurultai*. They were supposed to have a law-abiding structure the basic principle of which could not threaten anybody with punishment. Due to the Cuman-Kipchak confederation it was always possible to avoid a trial, punishment or revenge and “join the Cossacks”. The Turks “believed in divine origin of the law, therefore the legal regulations were inviolable for them. The governor was only a transmitter of these laws, a mediator between Heaven and people. Roman Pochekaev notes, that “the Turks (like the Mongols) feared to violate the laws not only because they were threatened with punishment, including the death penalty, but for fear of Heavenly retribution ... Heavenly retribution could befall not

only the offender, but also the representatives of his family, kin, or other surrounding people. For this reason, the Turks and the Mongols tried to avoid grave consequences; therefore, they sought to severely punish the offenders by themselves, before Heaven discharged its anger upon the innocent as well" [9: 20]. Under Genghis Khan, complying with his regulations also becomes compulsory. The Great Khan's charisma and majesty did have a great influence, but the fact that he complied with Heavenly regulations was no less important. It is obvious that subsequent changes in the political situation and the state structure, such as reinforcement of the domiciled population, strengthening of Shariah law, the appearance of khan's *yarlyks* (decrees, pronouncements) which served as regulations, contributed to the renewal of legal regulations in the Golden Horde. But the element of sacredness of the laws always remained. It is due to this fact that one of Dzhanipek Khan's *yarlyks* begins with the following words: "With the power of Eternal God, with the protection of the great genial guardian" [10: 119]. The Great Khan Guyuk's seal on the message to the Pope Innocent IV (1246) had the following inscription: "The *yarlyk* of the Khan of Great boundless Mongolian Empire by the power of eternal Heaven" [11: 65]. This sacredness of power provided law-obedient population¹ [12: 133]. This was especially significant for large spaces, where it was difficult to establish effective monitoring system of laws and *yarlyks* implementation.

¹ This sacredness of laws was not an exceptionally Tatar feature. Serge Moscovici writes: "Thus, in many civilizations of India, Egypt, Judaea, even in Rome laws were sacred, and the priests rendered justice. It was believed that the laws come from God or based on inviolable tradition even in the places where justice was implemented by a tribe meeting. The guilty were punished for the harm done to the community: encroachment on traditions, contempt of religion, contempt of power, etc. This is confirmed in the Bible, in the Roman law of the Twelve Tables, in the Germanic tribes. In Athens, Socrates was convicted of a mockery of gods and corruption of youth. Prescriptions and prohibitions are indisputable. They do not leave room for any individual interpretation. The requirement for unanimous consent does not allow anyone to consider themselves free from them. Nietzsche formulated the imperative which everyone is obliged to accept as his own in the following way: "You will obey, no matter what for, for a long time, otherwise you will die, you will lose the respect for yourself". Due to the lack of such subordination, positive properties of consciousness fade, and a rift appears between members of the community. Doubt makes its way with crablike movements and discredits the spirit of these rules. This happens in all confessional societies cemented with a single doctrine requiring universal and full consent" [12:133].

Another component contributing to the law enforcement was the fact that a particular territory traditions and customs were considered in legislative acts of the Golden Horde, therefore the Golden Horde law combined customary law (*toryo*, *adat*) of particular people, Shariah and 'imperial' law, i.e. the legacy of Genghis Khan in conjunction with khans' *yarlyks* [9: 43]. Such legal mosaic may seem archaic or unusual for the European mentality, but it was the approximation of the laws to the interests of 'lands', i.e. nations and tribes, as well as their hierarchical character, that retained order and stability on the vast territories.

The clan (council) determined the principal political configuration. The khan could not rule without the consent of the clans, and the ruling top needed to get the *kurultai*'s approval, at least on a pro forma basis. In 551 Bumïn was raised on a white felt blanket by four clan leaders and proclaimed the first Kagan of the Turkic El. The founder of the Ottoman dynasty, Osman Bey was elected khan in the same way. According to the legend, all the Oghuz beys and governors of the country gathered, came to Osman and held counsel: "Now we cannot wait for any help from the Seljukids. They have lost the greater part of their territory and were defeated by the Tatars... You deserve to be the khan, you are mighty. We need unanimity in this question ... We shall obey you, recognize your authority and fight on your side in this country" [7: 220]. This was the beginning of the Ottoman Empire's history.

All the Great khans of the Mongol Empire, the Golden Horde khans and the Kazan khans were elective. Following the tradition four men holding the ends of a golden felt blanket would raise the khan to cheers of the people present at the ceremony and say, "Look upward and perceive the God, then look down and see the felt on which you sit. If you rule your empire well, if you are generous and fair, if you esteem each of the princes with respect to their ranks, then you will reign in glory, the whole world will admire your regimen and God will grant you whatever you wish in your heart. But if you do the opposite, you will be miserable, poor and rejected so that even the felt where you sit will not be left for you". After that, they would seat the prince to be crowned and his wife on the felt blanket, lift them up on it several times and pro-claim loudly: "The Emperor and the Empress of all the Tatars" [13: 219]. According to Plano Carpini, who visited the elections of Guyuk in 1246, the ceremony of the Great Khan's enthronement took place in a tent specially built for that occasion and had the name 'The Golden Horde'. The

number *four* regularly emerges in the historical chronicles, despite the fact that the events in the Turkic Khaganate, the Golden Horde and the Ottoman Empire took place at different times and in different areas. Apparently, it is connected with the idea of the four corners of the world typical for the Turks.

The political structure of the Golden Horde with its internal contradictions, did not transform into a more flexible governance system in the course of time. On the one hand, active political figures were nominated, especially steppe leaders such as Nogai, Idegey, Mamai; on the other hand, there was a hereditary right, which restrained the promotion of the most talented statesmen to power. The heirs of Batu Khan multiplied, formed various parties and got involved in political intrigues. During the 'Great troubles' different khans succeeded each other on the throne almost every year. "Paradoxically", Pochekaev writes, "but these changes could also be explained by the legitimate reasons: once having recognized the power of a representative of one of the Juchids' branches, the population of the Golden Horde opened the gate to the power for all representatives of these families. That is why over the years 1362-1380, so many descendants of Batu (legitimate khans) and Tuka Timur (successors of Kara-Nogai and Hordu-Malik) struggled for power. Taking the Sarai throne in turns, they were nominally considered equally legitimate both in the eyes of their subjects and their vassals (in particular, Russian princes, who often recognized the power of the Sarai khans, even if they were less powerful than, for example, the khans of the 'Mamay Horde', who did not own Sarai in that period of time)" [14: 48]. The political tensions intensified due to the plague epidemic and changes in trade routes in Eurasia, predetermined the fall of the Golden Horde.

The traditions of the Golden Horde did not immediately disappear from the political culture, they continued to exist until the reforms of Peter I. But does the need in clan structure disappear with the disappearance of the nomadic culture? It seems that the answer is obvious. Domiciled civilization is completely different. This is clearly manifested in serfdom, where farmers were attached to the land. But we should not make any conclusions at this stage. The politics in Russia was influenced not only by its economy, but also by its space, which dictated its own laws. The experience of the Russian Empire shows that the clan system was not just survivable, but necessary, because of huge spaces, differences in geography, economy and culture, lack of effective means of communication. The notion of governability became specific character in the country

where the regions, such as the Urals, the Far East Turkestan, the Caucasus, etc., are extremely remote from St. Petersburg, even with functioning railways. It was possible to govern such a territory from a single center only based on special principles of clan structure, when they provided not the implementation of laws only, but fidelity (sometimes personal) to the king and the Fatherland.

The notion of clan relationships, which has become a household word in contemporary political lexicon, is often regarded as a mafia formation, sectionalism, semi-legal groups. However, in terms of nomadic culture, vast empires, combining steppes, rivers, forests, wooded steppes and foothills, the clan system of management was a necessity and proved its effectiveness. But this system could not exist as a legitimate and stable one, if not consecrated by Higher justice, i.e. the justice of Heaven in case of the toryo and the name of Genghis Khan in case of 'Great Yassa'. The element of sacredness is a kind of an obstacle on the way from the clan system to mafia.

The modern clan system is radically different from the Golden Horde system and cannot be justified from the political point of view. It exists and will exist until it is replaced by real federalism.

References

1. *Brodell' F.* Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' // Filosofiya i metodologiya istorii. M.: RIO BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. S. 115-142. (in Russian).
2. *Berdyaev N.* Filosofiya svobody. Khar'kov: «Folio»; M.: «AST», 2002. 733 s. (in Russian).
3. *Saltykov A.* Dve Rossii. Natsional'nopsikhologicheskie ocherki. Myunkhen: Milavida, 1922. 122 s. (in Russian).
4. *Berdyaev N.* Russkaya ideya. Khar'kov: «Folio»; M.: «AST», 2002. 617 s. (in Russian).
5. *Burd'e P.* Prakticheskiy smysl. SPb: «ALETEY-Ya»; M.: «Institut eksperimental'noy sotsiologii», 2001. 562 s. (in Russian).
6. *Gumilev L.N.* Ritmy Evrazii. M.: Ekopros, 1993. 576 s. (in Russian).
7. *Sadri Maksudi A.* Tyurkskaya istoriya i pravo. Kazan': «Fen», 2002. 411 s. (in Russian).
8. Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: V 7-mi t. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). KhIII – seredina KhV v. Kazan': Institut istorii im.Sh.Mardzhani AN RT, 2009. 1055 s. (in Russian).
9. *Pochekaev R.Yu.* Pravo Zolotoy Ordyy. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2009. 260 s. (in Russian).
10. *Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P.* Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii. SPb.; SPbGU, 2002. 276 s. (in Russian).

11. *Trepavlov V.V.* Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti. M.: Vostochnaya literatura, 1993. 168 s. (in Russian).
12. *Moskovichi S.* Mashina, tvoryashchaya bogov. M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 560 s. (in Russian).
13. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka.* M.: Gos. izd-vo geograficheskoy literatury, 1957. 287 s. (in Russian).
14. *Pochekaev R.Yu.* K voprosu o perekhode vlasti v gosudarstvakh Chingizidov // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Vyp.2. Kazan': «Fen» AN RT, 2009. S. 39-48. (in Russian).

ПРОСТРАНСТВО КАК АДМИНИСТРАТИВНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Рафаэль Сибгатович Хакимов,
Институт истории Академии наук Татарстана,
Россия, 420015, Казань, Кремль, подъезд 5,
rafh@mail.ru

Пространство представлено в историческом контексте с точки зрения его инвариантности во времени. Рассматривается многообразие пространства как административной категории, в которую оказываются включенными этнические, экономические, климатические, географические элементы. Отмечается роль исторического пространства России для современного федеративного устройства государства.

Ключевые слова: пространство, время, исторические категории, Россия.

Пространство и время – это не только математически отвлеченные категории, это социальная среда. В первобытном обществе это выражено явным образом. Сами поселения приобретали пространную форму, соответствующую социальным отношениям: каждый клан имел свое место в племени и на его территории. В тюркских каганатах существовали политические категории – как правая и левая сторона. В мифологии пространство имело свое деление на четыре стороны света, потусторонний мир, верх / низ и т.д.

Влияние пространства на исторические процессы хорошо продемонстрировал в своих работах Фернан Бродель: «Человек – пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой, создаваемого в течение столетий, равновесия, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять, – пишет он. – Посмотрите на сезонные перегоны овец в горы, характерные для жизни горцев, на постоянство некоторых экономических форм деятельности жителей приморских районов, связанное с биологическими особенностями побережья, взгляните на устойчивость местоположения городов, на постоянство путей сообщения и торговли, на удивительную прочность географических рамок цивилизации» [1: 119]. Не углубляясь в историко-антропологический аспект этого вопроса, рассмотрим действие этих категорий в со-

временной России, причем с уклоном на идеологические характеристики.

Над Россией довлеет огромное пространство. Это беда России. Политики и публицисты любят указывать на количественную сторону русских просторов, будто в этом можно увидеть некое преимущество. На самом деле избыточное пространство, как монстр, диктует формы жизни, а вслед за этим – архитектуру власти. Николай Бердяев утверждал, что «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработывает ее... Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [2: 325]. Образность языка Бердяева не мешает ему быть точным в оценке влияния пространства на существенные характеристики государства. Если под пространством иметь в виду не только размеры, но также ландшафт, тогда значение этой категории усилится многократно, ибо вступит в силу не только количественная, но и качественная характеристика пространства, не только ширь территории, но и разнообразие ландшафта.

В научной литературе под пространством, как правило, понимают государственную территорию или же географическое расположение. Политики часто рассматривают территорию как гомогенную ширь, они хотят все начать с чистого листа, будто не было у отдельных административных территорий своей истории, своего лица. При этом идеи, связанные с делением

субъектов на республики и области, у многих политиков вызывают искреннее удивление, ведь, казалось бы, проще всех сделать одинаковыми, объявить одним народом. Им трудно понять, почему люди мигрируют с Дальнего Востока или Севера в европейскую часть страны, если везде и всюду Россия.

Государственность для политиков предстает как поле для экспериментов, а не историческая данность. Они могут рассуждать об ошибках большевиков, которые якобы позволили народам создавать республики и ввели федерализм, в то время как нужно было всех сделать равными по статусу, языку и культуре. В пример приводится монархическая Россия с якобы единым губернским делением, унитарным строем, централизованным управлением. Мало кто задумывается о реальной системе управления Российской империей, которая была ассиметричной. Побывавший в России француз Кюстин свидетельствует о своем разговоре с императором на балу: «Вы полагаете, что вы среди русских, – сказал Государь в этом разговоре, указывая на окружающих. – Вы ошибаетесь: вот это – немец, это – поляк, это – грузин, там – финляндец, этот – татарин... И все вместе и есть Россия» [3: 34]. Понимание этнического разнообразия в России существовало, но до сегодняшнего дня не было и нет адекватного государственного устройства. Монархи, в отличие от многих современных политиков, понимали значение культурного и географического разнообразия страны, но у них не хватило политической воли, чтобы перейти к федеративному устройству, которое могло спасти страну от распада. Большевики федеративное устройство объявили вынужденно, тем самым приостановив распад страны, а затем попытались восстановить и даже расширить былую экспансию вширь. После Второй мировой войны, во времена торжества социалистического лагеря, сфера влияния СССР была соизмерима с империей Чингисхана. Но имперский соблазн, постепенно овладевая мессианским сознанием (если воспользоваться словами Н.Бердяева [4: 20]), вновь завел страну в исторический тупик. Тоталитарный режим столкнулся с диктатурой пространства, и победа осталась за природой. Страна в очередной раз распалась. Мессианская политическая воля будет вновь и вновь побежденной, пока государственное устройство не будет приведено в соответствие с географическим и культурным многообразием страны.

Понятие пространства как территории, в силу наличия границ в развитом обществе, приобретает государственно-административный характер. В принципе, речь должна идти о

целом ряде границ, которые могут накладываться друг на друга, а могут не совпадать. Административные границы не совпадают с этническими или религиозными, экономические границы имеют свои очертания, как и культурные. Рассмотрим административную территорию России, но не в политико-правовом аспекте, а как историческую категорию.

Понятие границы указывает на различие миров – нашего и потустороннего, религиозного и светского, территории сообщества или государства, общин, кланов, преступных групп и т.д. Это граница дня и ночи, сезонов, хозяйственных циклов, возрастных изменений. Граница может материализоваться в виде государственной границы или климатической зоны, но может существовать и как ментальная граница. Это понятие применимо к большому классу явлений. «Граница выявляет разные вещи, – пишет Бурдые, – и само различие «через произвольное установление», как говорил Лейбниц, используя *«exinstituto»* схоластики, акта сугубо магического, который предполагает и производит коллективное верование, т.е. сокрытие собственного произвола. Граница отделяет вещи друг от друга через абсолютное различие, которое можно преодолеть лишь другим магическим актом – ритуальным нарушением. *Natura non facit saltus**: именно магия *институции*, установления, привносит в природный континуум эту сеть отношений биологического родства или мир природы, разрыв, разделение, *nomos*, границу, создающую группу и ее особенные обычаи» [5: 406]. Культура определяет пространство собственного мира, проводит ту черту, преодоление которой воспринимается как переход в другой мир. Порог становится местом несуществования, небытия, где меняется знак всякой вещи. Любое сообщество стремится сохранить свои границы, т.е. свою сущность, пугаясь «ничего», находящегося за порогом. Граница – это то место, где происходит борьба, реальная или символическая, при этом магия, ритуалы, обычаи или экономические законы, юридические нормы направлены на безболезненное преодоление порога.

Административные границы не появляются произвольно, хотя элемент волюнтаризма или рационализма, целенаправленного государственного строительства всегда присутствует.

Исторически границы могли совпадать с ландшафтом и этническим расселением, но могли возникать по другим основаниям. Существуют довольно устойчивые представления о кочевниках как о своего рода разросшихся бан-

* «Природа не знает разрывов» (Лейбниц, *лат.*).

дах, не знавших нормальных законов. В такой трактовке кочевой культуры остается неясным, как же смогли кочевники создать величайшие по размерам и значению в мировой истории государства. Как могли дикие – притом немногочисленные – кочевники создать такие державы, как Тюркский каганат или империя Чингисхана, соединившие Восток с Западом. Откуда появились сотни городов, если кочевники – разрушители и грабители? Кочевая культура предполагала в качестве дополнения земледельческую культуру и города, в которых сосредоточивалась торговля и высокая культура.

Тюрки в период своего формирования, скорее всего, сочетали земледелие с полукочевым образом жизни, и лишь потом отдельные их племена стали чисто кочевыми. «Кочевничество, – писал Лев Гумилев, – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тысячелетий. Возникло оно как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке и точно по тем же причинам на наших глазах исчезает» [6: 512]. В определенный период истории (точнее – в I тысячелетии до н. э.), связанный с глобальными климатическими изменениями, некоторые племена переходят к кочевому или полукочевому образу жизни, но в языке сохраняется память об изначальных формах жизни. В тюркских наречиях дом всегда означал постоянное жилище (в отличие от юрты). «Шатер – это временное жилище, которое кочевые тюрки сооружали в местах своих летних кочевков. Дом – это постоянное жилище оседлых тюрков. Здания же, расположенные вокруг дома, древние тюрки обозначали словом "bark"», – пишет Садри Максуди [7: 37]. Слово *барак* в качестве дома в русском языке сохранилось до сегодняшнего дня.

Кочевое хозяйство привязано к пастбищам, а вся остальная жизнь подстраивается под наличие или отсутствие корма для скота, лошадей, волов. Именно нехватка пастбищ спровоцировала Великое переселение народов. Ряд привычных для нас понятий, выработанных с европейской точки зрения, приобретает иное содержание применительно к кочевой культуре. Очевидно, что у кочевников существовала иерархическая система управления, которая опиралась не только на силу, но и на выработку общего решения. Трудно назвать выборы хана демократичными, но его власть зависела от воли основных кланов. Они как представители «земли» провозглашали хана, ограничивали его власть, а при необходимости могли его свергнуть, объявив, что хан заболел и умер. Для существования государства, как известно, необходимо собирать

налоги. В содержании армии был заинтересован весь народ, поскольку нужно было оберегать границы пастбищ от покушения как внутри государства, так и извне от других стран. Таким образом, иерархическая структура – это внутренняя потребность, исходящая из необходимости стабильности в ведении хозяйства.

Понятие налогов в кочевом государстве также было своеобразно: из-за постоянных (или сезонных) перемещений трудно не столько пересчитать людей, сколько собрать с них налог, а потому легче требовать единовременной «дани» с вождя племени или предводителя клана, и, следовательно, административной структурой становится не территория как место оседлости, а «земля» – как место кочевья племени или союза племен. С этим же тесно связан вопрос комплектации общегосударственной армии, которая складывается из отдельных клановых групп. Предводитель клана (бек) возглавляет собственную армию, которая становится составной частью общегосударственной при объявлении того или иного похода на большом совете – курултае. У кочевников не существует регулярной или наемной армии в европейском смысле слова. Весь народ и есть армия. Каждый клан самостоятельно вооружает и обучает воинов. Подготовка к войне – это образ жизни. В своей остаточной, рудиментарной форме это можно было наблюдать у казаков в царской России.

Кочевая империя в своей развитой форме включает множество городов и другого оседлого населения, прежде всего земледельцев, причем земледелие или городская жизнь не были случайностью или приложением к основному типу хозяйства: в Золотой Орде основной статьей экспорта была пшеница, а торговля была основным фактором расцвета экономики и государства. Кочевая составляющая империи являлась таковой в силу иных причин: армии гуннов, тюрков, татаро-монгол состояли из конницы, а потому они формировались в степи, и вожди кланов как военачальники определяли стратегию страны, ее безопасность и, в конечном счете, характер правления. В Золотой Орде улус как административная единица соответствовал войсковому тумену (10 тыс. корпус), поэтому правитель улуса имел ранг темника.

Сочетание кочевой и оседлой культур породило своеобразную административную структуру Золотой Орды. «Условно можно считать, – пишет Вадим Трепавлов, – что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклярибека и иерархически подчиненных ему трех карачибек; невоенными делами (прежде всего, финан-

совыми) ведали *везир* и подчинявшаяся ему концелярия – *диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклярибека, а оседлые – везира» [8: 183]. В соответствии с таким делением беки как главы кланов проводили основное время в перекочевках, а чиновничество размещалось в городах, где велись записи сборов и расходов. Городским и сельским оседлым населением управлял наместник-даругачи.

Каждый улус имел «две формы бытия – территорию и народ. Пространство кочевания обозначалось *нутаг* (монг.) или *юрт* (тюрк.), население – *ирген* (монг.) или *эль, иль* (тюрк.) Вместе нутаг / юрт и ирген / эль и образовывали улус» [8: 185]. Государство делилось на четыре провинции – улусбекства.

Очевидно, при таких пространствах, как в Тюркском каганате, в империи Чингисхана, Золотой Орде, не могло быть системы контроля над исполнением законов, распоряжений хана или решений курултая. Должна была существовать законопослушная структура, в которой угроза наказания занимала далеко не главное место. От суда, наказания или мести при наличии Великой Степи всегда можно было «уйти в казаки». Тюрки связывали возникновение закона с Небом, божествами, и потому правовые предписания для них были незыблемы. Правитель был всего лишь передатчиком этих законов, посредником между Небом и людьми. «Тюрки (как и монголы), – пишет Роман Почекаев, – опасались нарушать законы не только потому, что им грозило наказание – вплоть до смертной казни, – но из-за боязни небесной кары... Небесная кара могла обрушиться не только на нарушителя, но и на представителей его семейства, рода или просто окружающих. Собственно, именно поэтому, не желая допускать тяжких последствий, тюрки и монголы стремились сурово наказать нарушителя сами, пока Небо не обрушило свое наказание также и на невиновных» [9: 20]. После Чингисхана следование его предписаниям было также обязательным. Повлияла харизма, величие Великого хана, но не меньшее значение имело то, что он следовал предписаниям Неба. Конечно, последующие изменения в политической ситуации, государственной структуре способствовали обновлению правового регулирования в Золотой Орде из-за усиления значимости оседлого населения, укрепления законов шариата, появления ханских ярлыков, которые выполняли функцию распоряжений, но элемент сакральности законов сохранялся. Так, один из ярлыков Джанибек-хана начинается словами: «Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством» [10: 119]. На

печати великого хана Гуюка, поставленной на послании папе Иннокентию IV (1246 г.), было написано: «Силою вечного Неба беспредельной великой Монгольской державы хана ярлык» [11: 65]. Такая сакральность власти обеспечивала законопослушность населения¹[12: 133]. Это особенно было значимо на больших пространствах, где было сложно наладить эффективный контроль исполнения законов и ярлыков.

Другой элемент, обеспечивавший исполнительскую дисциплину, состоял в том, что законодательство учитывало традиции и обычаи населения конкретной территории, а потому золотоордынское право сочетало в себе обычное право (торё, адат) конкретных народов, шариат и «имперское» право, т.е. наследие Чингисхана в сочетании с ярлыками ханов [9: 43]. Такая правовая мозаика может показаться архаичной или непривычной для европейского мышления, но именно приближенность законов к интересам «земли», т.е. народов и племен, а также их иерархизированность, позволяли сохранять порядок и стабильность на огромных пространствах.

Клановая структура, сложившаяся еще в Тюркском каганате, укрепившаяся в Золотой Орде, сохранилась в татарских ханствах постзолотоордынского периода. Ведущие кланы и

¹ Такая сакральность законов не была исключительным свойством татарской истории. Серж Московичи пишет: «Так в большинстве цивилизаций Индии, Египта, в Иудее, даже в Риме законы имели священный характер, а жрецы вершили правосудие. Даже там, где оно осуществлялось собраниями племени или народа, считалось, что законы исходят от бога или основываются на незыблемой традиции. Виновные подвергались наказанию за нанесение ущерба сообществу: посягательство на нравы, оскорбление религии, неуважение власти и т.д. Это находило подтверждение в Библии, в римских законах Двенадцати таблиц, у германских племен. В Афинах Сократ был осужден за глумление над богами и растление юношества. Предписания и запреты непререкаемы. Они не оставляют возможности ни для какой индивидуальной интерпретации. Требование единодушного согласия никому не позволяет считать себя свободным от них. Ницше так сформулировал императив, который каждый обязан принять как свой собственный: “Ты будешь подчиняться, неважно за чем, долгое время, иначе ты погибнешь, ты потеряешь все уважение к себе самому”. За недостатком такого подчинения позитивные свойства сознания улетучиваются, и в единстве сообщества образуется трещина. Сомнение зигзагами прокладывает себе дорогу и компрометирует моральную силу правил. Так происходит во всех конфессиональных обществах, которые цементируются одной доктриной, требующей всеобщего и полного согласия» [12:133].

курултай (соброр) определяли основную политическую конфигурацию. Хан не мог править без согласия кланов, и всей властной верхушке надо было, хотя бы номинально, но получить одобрение курултая. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме вождями четырех кланов и провозглашен первым каганом Тюркского Эля. Основатель османской династии Осман бей был избран ханом точно так же. По преданию, собрались огузы, все беи и управители страны. Они пришли к Осману и держали совет: «Сейчас нам нечего ждать помощи от Сельджукидов. Они потеряли большую часть своих территорий, и их победили татары... Вы достойны того, чтобы быть ханом, в вас есть величие. Необходимо единодушие в этом... Мы будем вам подчиняться, признавать вашу власть и воевать на вашей стороне в этих краях» [7: 220]. Так началась история Османской империи.

Великие ханы Монгольской империи, золотоордынские и казанские ханы – все были выборными. В соответствии с традицией, четыре человека, взявшись за концы золотой кошмы, поднимали их под радостные возгласы присутствовавших при обряде и говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце своем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После этих слов коронуемого принца и его жену сажали на войлок и вместе с ними обоими, сидящими там, поднимали войлок вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: «Император и императрица всех татар» [13: 219]. Как пишет Плато Карпини, побывавший в 1246 г. на выборах Гуюка, церемония интронизации великого хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который назывался «Золотой Ордой». Число *четыре* довольно регулярно всплывает в исторических хрониках, хотя события в Тюркском каганате, Золотой Орде и Османской империи происходили в разное время и на разных просторах. Видимо, это связано с представлениями о четырех концах света, характерных для тюрков.

Политическая структура Золотой Орды содержала в себе внутренние противоречия, не позволившие ей трансформироваться со временем в более гибкие формы управления. С одной сторо-

ны, выдвигались активные политические фигуры, особенно степные вожди, такие как Ногай, Идгей, Мамай, с другой – существовало наследственное право, являющееся сдерживающим фактором в продвижении наиболее талантливых государственных мужей во властных структурах. Наследники Бату-хана размножились, составляли различные партии и оказывались втянутыми в политические интриги. Во времена «Великой зямтани» смена на ханском троне происходила почти ежегодно. «Как ни парадоксально, – пишет Р.Ю.Почекаев, – но эти смены также объяснялись причинами легитимного характера: однажды признав власть представителя одной из ветвей Джучидов, население Золотой Орды тем самым открыло путь к власти всем представителям указанных семейств. Вот почему на протяжении 1362-1380 гг. за власть боролось столько потомков Бату (законные ханы) и Тука-Тимура (преемники Кара-Ногай и Орду-Мелика). Попеременно занимая трон Сарая, все они номинально считались одинаково легитимными – и в глазах собственных подданных, и в глазах вассалов, в частности русских князей, которые чаще признавали власть ханов Сарая, даже если они были менее могущественны, чем, например, ханы «Мамаевой Орды», которые в соответствующий период Сарая не владели» [14: 48]. Политические противоречия, которые усилились в связи с эпидемией чумы и изменением торговых путей на евразийском пространстве, предопределили падение Золотой Орды.

Золотоордынские традиции не сразу исчезли из политической культуры, они продолжали существовать вплоть до реформ Петра I. Исчезает ли потребность в клановой структуре вместе с исчезновением кочевой культуры? Казалось бы, ответ очевиден. Оседлая цивилизация совершенно иная. Особенно это ярко выразилось в крепостничестве, при котором крестьянин был прикреплен к земле. Но не стоит торопиться с выводами. Кроме хозяйственного устройства, на политику России влияло и пространство, оно диктовало свои законы. Опыт Российской империи показывает, что клановая система оказалась не просто живучей, но необходимой – в силу огромных пространств, различий в географии, экономике и культуре, отсутствия эффективных средств коммуникации. Понятие управляемости страной при крайней отдаленности Урала, Дальнего Востока, Туркестана, Кавказа и т.д. от Петербурга даже при наличии железной дороги приобретало специфический характер. Проконтролировать такую территорию из единого центра можно было исключительно на особых принципах клановой структуры, когда проверялось не исполнение за-

конов, а преданность (порой личная преданность) царю и Отечеству.

Ставшее расхожим в современном политическом лексиконе понятие клановых отношений чаще всего рассматривается как мафиозность, групповщина, полузаконность. Однако с точки зрения кочевой культуры, огромных империй, объединявших степь, реки, лесостепи, предгорья и отчасти леса, клановая система управления была необходимостью, и она доказала свою эффективность. Но эта система не могла бы существовать как легитимная и стабильная, если бы не была освящена высшей справедливостью, т.е. Небом в случае торё и именем Чингисхана в случае «Великой Ясь». Элемент сакральности являлся своего рода тормозом на пути от клановости к мафиозности.

Современная клановая система коренным образом отличается от золотоордынской системы и не имеет своего оправдания с политической точки зрения. Она существует и будет существовать, пока на смену ей не придет реальный федерализм.

Литература

1. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории.* М.: РИО БГК им.И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115-142.
2. *Бердяев Н.* Философия свободы. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ», 2002. 733 с.
3. *Салтыков А.* Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен: Милавида, 1922. 122 с.
4. *Бердяев Н.* Русская идея. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ», 2002. 617 с.
5. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб: «АЛЕТЕЙЯ»; М: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с.
6. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
7. *Садри Максуди А.* Тюркская история и право. Казань: «Фэн», 2002. 411 с.
8. История татар с древнейших времен: В 7-ми т. Т.Ш.Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 1055 с.
9. *Почкаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 260 с.
10. *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.; СПбГУ, 2002. 276 с.
11. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993. 168 с.
12. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
13. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. 287 с.
14. *Почкаев Р.Ю.* К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов // *Золотоордынская цивилизация.* Вып.2. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. С. 39-48.

АДМИНИСТРАТИВ ТЕРРИТОРИЯ БУЛАРАК КИҢЛЕК

Рафаэль Сибгат улы Хәкимов,
Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе,
Россия, 420111, Казан, Кремль, 5 подъезд,
rafh@mail.ru

Киңлек вакытка бәйсез тарихи контекстта карала. Этник, икътисади, климатик, географик элементларны үз эченә алган административ категория буларак киңлекнең күптөрлелеге билгеләнә. Дәүләтнең бүгенге федератив төзелеше өчен Россия тарихи киңлегенә эһәмияте күрсәтелә.

Төп төшенчәләр: киңлек, вакыт, тарихи категорияләр, Россия.